

ДВЕ ЖИЗНИ

Конкордия
Антарова

часть
II

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.2
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А72

Антарова, Конкордия Евгеньевна.

А72 Две жизни. Часть II / Конкордия Антарова. — Москва :
Эксмо, 2026. — 672 с. — (Золотой фонд эзотерики).

ISBN 978-5-04-248184-0

«Книга, которая зажигает сердца» — самый частый отзыв читателей не одного поколения любителей литературных открытий. В романе изложены основы философско-эзотерических знаний и психологических закономерностей духовного развития человека.

Борьба добра и зла, магии, погони и преследования, интриги и любовь — этот роман вобрал в себя все, что пробуждает воображение и сознание. Главный герой не чародей из фэнтези, а ученик духовных Учителей Востока. Знания, которые он получает от них, принесут реальную практическую пользу каждому читателю.

УДК 821.161.1-312.2
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-248184-0

© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2026

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава 1	
Бегство капитана Т. и Наль в Лондон и их свадьба	8
Глава 2	
О чём молился пастор. Воспоминания Дженни	80
Глава 3	
Письма Дженни, её разочарование и внутренняя борьба	101
Глава 4	
Важное событие в семье графа Т. на балконе у Наль	122
Глава 5	
Скачки.	144
Глава 6	
Болезнь и смерть пастора. Его завещание	164

Глава 7	
Болезнь Алисы.	
Письмо Флорентийца к Дженни.	
Воспоминания Николая	207
Глава 8	
Чтение завещания	
в доме пастора	234
Глава 9	
Второе письмо лорда Бенедикта к Дженни.	
Тендль в гостях у лорда Бенедикта	257
Глава 10	
Мистер Тендль	
держит слово.	
Генри Оберсвоуд	283
Глава 11	
Генри у лорда Бенедикта. Приезд капитана Ретедли.	
Поручение лорда Бенедикта.	321
Глава 12	
Дория, капитан	
и мистер Тендль в Лондоне	369
Глава 13	
Леди Цецилия Ретедли в деревне	
у лорда Бенедикта	400
Глава 14	
Джеймс Ретедли и Лиза у лорда Бенедикта.	416
Глава 15	
Дженни и её жених. Свадьба Дженни.	454

Глава 16	
Судебная контора. Мартин и князь Сенжер	499
Глава 17	
Мать и дочь. Джеймс и Ананда. Ананда и пасторша.	
Жизненные планы Николая и Дории	527
Глава 18	
Вечер у лорда Бенедикта. Свадьба Лизы	
и капитана.	563
Глава 19	
Жизнь Дженни и её попытки увидеться	
с матерью и сестрой	590
Глава 20	
Последние дни лорда Бенедикта и его друзей	
в Лондоне. Тендль. Исповедь и смерть Мартина.	
Ещё раз музыка. Прощальные беседы.	615
Глава 21	
Дженни и её встреча с сэром Уоми	645

Глава 1

БЕГСТВО КАПИТАНА Т. И НАЛЬ В ЛОНДОН И ИХ СВАДЬБА

Наль спешно покинула сад возле дома её дяди Али Мохаммеда и в сопровождении двух слуг, одним из которых был её двоюродный дядя в одежде слуги, а также кузена Али Махмуда и капитана Т., спряталась в доме капитана, где никогда ещё не бывала и даже представить себе не могла, что такое когда-нибудь произойдёт. Она выросла в непростой обстановке; с одной стороны, её подавляли гаремные традиции, а с другой — она имела возможность приобщаться к европейскому образованию и жизни цивилизованного и культурного общества, которые открыл ей Али Мохаммед, боровшийся против затворничества женщин повсюду, где только мог.

У Наль всегда были европейская одежда и обувь, к которым её, как бы играя, приучал дядя Али, вызывая тем самым негодование её старой тётки и синклита из муллы и его фанатиков-правоверных. Поэтому в доме капитана девушка без труда переделалась в костюм, приготовленный для неё

дядей. Смеясь, она закутала молодого Али Махмуда в свой розовый свадебный халат и драгоценные покрывала. Она не плакала при расставании с братом, только обняла его, хотя в глазах обоих блеснули слёзы.

— Мужайся, Наль. Все случилось не так, как я предполагал, но... будь счастлива, вспоминай иногда меня и верь: если дядя Али сказал — так оно и должно быть. Если он тебя отдал в жёны капитану Т. — значит, таков твой путь. А счастье зависит от тебя. Не бойся ничего. Иди по жизни радостно и старайся до конца понять, зачем дядя создаёт тебе другую жизнь. Одно только помни: нам с тобою дан единый завет — верность до конца. Будь верна капитану так же, как ты верна дяде Али. И ты везде победишь.

Голос молодого Али дрожал, лицо было вдохновенно и прекрасно. Оно сейчас жило. Ничто в нём не напоминало маски того полумёртвого существа, которое с отчаянием смотрело, как Наль подаёт капитану цветок.

— Время. Прощай, сестра. Я всегда буду тебе верным другом, и нет между нами ни расстояния, ни разлуки.

Взяв пару крошечных туфельек Наль в руки, завернувшись в её покрывало, Али выскользнул из дома и пропал во тьме.

Насколько просто было для Наль переодеться в европейскую одежду, настолько же трудно было ей побороть привычку носить паранджу и оставаться среди мужчин с открытым лицом. Когда капитан Т. постучал к ней и спросил, можно ли войти, ей было страшно ответить согласием. Увидев её в простом синем английском костюме и с распущенными до пола косами, перевитыми жемчугом, он пришёл в ужас.

Поняв, как нелепо она выглядит и как её выдают её косы, Наль не дала изумлённому капитану опомниться и отхватила ножницами свои косы до пояса. Она уложила их вокруг головы и надвинула глубоко на лоб шляпу.

Закутав её ещё в лёгкий шёлковый плащ сверху, капитан сказал:

— Унося отсюда дивный образ Али, мы пред ним — муж и жена, Наль. Мы оба повинемся ему, и оба будем до конца дней верны ему. Мы уходим без него, но он с нами. Если вы идёте без страха, мы победим и выполним поставленную нам задачу.

— Я не испытываю страха, капитан Т. Я его не знала никогда. Я ваша жена перед дядей и Богом. И верность моя Богу — это верность дяде и вам, — спокойно ответила Наль.

Слуги вынесли их небольшие чемоданы и уложили в коляску. Лошади сразу пошли быстрой рысью, и Наль стала привыкать к темноте.

— Я ни разу не была ночью на улице, даже за воротами сада, — шепнула Наль сидевшему рядом с ней капитану, которого еле узнавала в непривычной штатской одежде.

— Перейдём на английский язык, Наль. Теперь вы — жена лорда Т. Старайтесь держаться высокомерно до глупости, как вы читали в английских книгах. Вот вам густой вуаль. — И капитан помог Наль обвязать вокруг шляпы и спустить на лицо довольно плотный синий вуаль.

— Как это приятно, — засмеялась Наль. — Разыгрывая из себя гордую даму, я избавляюсь от назойливых разговоров.

— Не забудьте опираться на мою руку и до самого отхода поезда изображайте из себя великую даму-икону, для которой на свете существует три рода рабов разных социальных ступеней: я — муж и первый раб — устаиваюсь разговора. Ваш дядя — нечто вроде секретаря — второй раб, к которому снисходят до признания его человеком. А слуга — третий раб, кому только кивают или указывают жестами. Так живут всю жизнь знатные дамы. Так постарайтесь прожить одну-две недели, пока не выберемся на свежий воздух и не кончится наиболее скучная часть нашей жизни.

Наль не успела ответить, экипаж подкатил к освещённому вокзалу. Лорд Т. вышел первым, подал руку своей закутанной супруге и послал секретаря взять заранее заказанные билеты. Через несколько минут подошёл поезд, секретарь и слуга устроили своих господ в разных купе и прошли в другой вагон, где ехали сами.

Когда поезд тронулся, лорд лично пришёл посмотреть, как чувствует себя его супруга, любезно пожелал ей доброй ночи и сказал, что утром придёт её проведать. Все было так чуждо Наль, так незнакомо и неудобно. Личико у неё было такое растерянное, что лорд-муж спросил, уже выходя в коридор, не нуждается ли его супруга в секретаре. Обрадовавшись возможности побыть с дядей, Наль просила прислать его немедленно. Лорд послал за ним проводника и оставался в коридоре, перекидываясь со своей супругой малозначительными фразами до тех пор, пока не явился секретарь.

— Графиня желает написать несколько писем, у неё бессонница, — сказал лорд секретарю, который низко поклонился и вошёл в купе графини. Поцеловав руку жене, лорд, закрывая двери, шепнул мнимому секретарю: — Оставляйтесь до шести часов. Я займу ваше место утром, а вы отдохнёте у меня в купе. Дайте Наль спать, сами дежурьте.

Вернувшись к себе, капитан Т. лёг на диван и, приказав себе — как это делал уже много лет — проснуться в шесть часов, мгновенно заснул.

Наль спать не могла. Всё её поражало. Дяде пришлось объяснять ей всё устройство вагона. Он рассказал ей также про весь их путь до Петербурга и описал, как выглядит гостиница в Москве.

— Не знаю, будем ли мы останавливаться там. Думаю, что нам надо мчаться во весь дух, чтобы как можно скорее быть в Лондоне, — говорил дядя-слуга.

— А как туда доедем?

— Сядем на пароход на Неве. Теперь установлено прямое водное сообщение. Через семь дней будем в Лондоне.

— Как? Семь дней будем ехать морем? — с удивлением сказала Наль.

— Да, морем. Я, к сожалению, плохо переношу поездки по морю. Придётся капитану Т. самому караулить на пароходе свою знатную жену, — смеялся дядя. — Но мы с тобой выходим из ролей барыни и слуги. Чтобы тебе привыкнуть со своей ролью, важная дама, приступай к ночному туалету. В чемодане ты найдёшь лёгкое платье. Я посижу у окна, ты переоденься и ложись спать.

— Нет, дядя, спать невозможно. Я могу лечь, если ты пожелаешь. Но ведь от мыслей лопнет голова, если я хоть половины их не додумаю до конца.

Когда через час дядя окликнул племянницу, ответа он не получил. Старик улыбнулся и принялся за чтение. На его безмятежно спокойном лице старого философа не было заметно ни малейшего волнения. Ничто, казалось, не нарушало его равновесия. Он был таким же спокойным и трудоспособным сейчас, как и в привычной мирной обстановке своего окружённого виноградником дома, где он оставил многочисленную семью. Книга и делаемые им при шатком свете свечи заметки помогли ему не замечать мелькавших мимо станций. Он с удивлением поприветствовал капитана, тихо вошедшего в купе.

— Говорила, что спать не сможет, — лукаво улыбаясь, шёпотом сказал лорду Т. секретарь. — А вот и непривычная тряска, и стук колёс — все молодости нипочём.

Секретарь отправился в купе своего господина, а последний устроился на соседнем с Наль диване.

Наль всё спала, по-детски подложив ручку под щеку. Капитан заботливо закрыл щёлку в занавеске окна, через которую к волнистой головке уже подбирался солнечный

луч, и снова сел на своё место. Он впервые видел Наль с закрытыми глазами. Чёрные длинные ресницы бросали тень на розовые щёки, прелестные губы улыбались. Эта почти детская жизнь принадлежала ему. Ещё вчера он считал невозможным не только быть соединённым брачными узами с Наль, но даже пройти жизнь вблизи от неё. А сегодня он едет с нею, получив её из рук Али. Едет, чтобы жить и трудиться, свободно любя её перед всем миром.

«Счастлив ли человек, если несёт ответственность за две жизни?» — думал капитан.

Отдавая ему Наль в жёны, Али сказал, что капитан теперь ответственен за две жизни, ибо Наль дитя, а он не только муж, но и первый друг-воспитатель.

«О да, — продолжал свои мысли капитан, — выше той любви, в которой человек согласен нести ответственность за жизнь любимого, и быть не может. Али доверил мне часть самого себя. Я должен продолжать его дело и помочь Наль раскрыть в себе все силы жизни».

— Дядя, знаешь, даже лень глаза открыть. А я хвалилась, что половину мыслей додумаю, — проснувшись, сказала вдруг Наль. — И знаешь, очень странный мне снился сон. Я всё время видела во сне капитана Т., и мне казалось, что это он сидит рядом, а не ты. И что я его жена, и что нас венчают по-европейски. Правда, смешно?

— Не очень, Наль.

Наль вскочила с дивана в полной растерянности.

— Как же это случилось, что вы здесь, а я сплю? — огорчённо сказала девушка.

— Мне не хотелось будить вас, а дяде надо было отдохнуть. Не смущайтесь. Надо привыкнуть играть роль моей жены. Не забывайте, что мы беглецы, и от нашего самообладания зависит, насколько талантливо мы сыграем свои роли, чтобы тем самым спасти наши жизни. И не только

наши, но и всех тех, кто помогает нам в целом ряде мест одновременно в эти минуты. Трудно вам, Наль, путешествовать в первый раз в жизни, и особенно без женской помощи. Будем вместе стараться вести себя так, чтобы нас принимали за знатных и влюблённых супругов. Сейчас постарайтесь причесаться. В парикмахеры я не гожусь, хотя гримёр я хороший. Но критиковать вашу причёску — берусь.

— Если вы будете тихо сидеть у окна, капитан Т., я постараюсь причесаться так, как видела на модной картинке у дяди Али. Только не смотрите на меня, пока я не скажу.

— Не смотреть на ваши парикмахерские таланты до сигнала я берусь. Но на модную картинку — не согласен. Вы лучше выньте из волос все украшения и положите косы вокруг головы, как вчера.

— Как? Все, все украшения вынуть? Разве европейские женщины не носят украшений? Это очень скучно.

— Носят, Наль. Но в волосах они их носят только на балах и званых обедах, очень изысканно и умеренно. Такие предметы туалета, как шляпы и меха, используются в соответствии с условностями моды. Иная шляпа надевается только утром, другая — после обеда, а есть шляпы, которые носят только в пути.

— Как же это всё постичь, чтобы не сделать бестактности и не осрамить дядю Али или вас, капитан Т.? — с уморительной детской серьёзностью спросила Наль.

— Я думаю, Наль, что вам, постигшей такие большие духовные задачи и не менее трудные математические истины, не трудно будет понять внешние условные правила цивилизации того нового народа, среди которого мы будем жить. Для начала снимите весь жемчуг с кос и ваши драгоценности с шеи и ушей. Они чрезмерно ценны для поезда. Вы, наверное, найдёте среди уложенных вам в дорогу вещей ка-

кие-нибудь маленькие, скромные серьги. А волосы в дороге не украшаются ничем.

— Как странно. У нас именно в дорогу и надевается всё самое драгоценное, — ответила Наль.

Довольно долго капитан сидел, отвернувшись к окну, думая, как трудно будет Наль привыкать к новой жизни, на каждом шагу натываясь на затруднения.

— Ну вот, я готова, — услышал он за спиной.

Наль стояла перед ним в белой блузке и синей юбке. Волосы её были гладко причёсаны на пробор и уложены вокруг головы. Казалось, этой прелестной головке было тяжело выносить тяжесть заплетённых в косы волос, а непривычка к шпилькам заставляла Наль всё время пробовать рукой, на месте ли её косы. Сквозь тончайший батист просвечивало розовое тело рук и груди. Выражение огромных глаз было радостным, доверчивым. В них не было ни одного облачка сомнений или сожалений о покинутом доме и родных. Ни малейшей тревоги о неизвестном будущем — ничего сейчас не было на лице Наль, кроме желания получить одобрение капитана своему внешнему виду.

Уверив её, что всё в ней не оставляет желать лучшего, капитан проводил свою жену в умывальную комнату и остался ждать её в коридоре.

Мысли о Лёвушке — до сих пор его единственном близком спутнике жизни и путешествий — пробежали облаком в сердце капитана. Лёвушка, возвратившийся с пира. Лёвушка, распечатавший письмо. Лёвушка, впервые пускающийся в жизнь без него...

«И здесь мой ответ за две жизни», — снова подумалось капитану.

Проводив Наль из умывальной комнаты обратно в её купе, лорд приказал проводнику позвать из своего отделения секретаря. Секретарь, человек опытный и немало путе-

шествовавший в жизни, устроил все дела по части завтраков и обедов на весь путь. Наль не знала никакого беспокойства насчёт этой стороны дела, всё подавалось супругам в их купе.

Первый день путешествия приходил к концу. Наль освоилась со своим новым бытом, и всё окружающее перестало её удивлять. Она больше не поражалась свободе обращения не закрытых паранджой женщин с мужчинами, но выходить из купе до полной тишины и темноты ночи она отказывалась. Без всяких приключений, сменяясь на дежурстве при ней, доехали наши путники до Москвы. Наль ни слова не спросила о том, как они минуют Москву, а очутившись в новом поезде на Петербург, чувствовала себя свободно.

Часто замечал капитан напряжённые мысли на её лице, но не мешал ей решать свои вопросы одной.

В переполненном петербургском поезде им пришлось ехать всем в одном купе, чему Наль, уже успевшая несколько привыкнуть к тому, что её лицо открыто, очень радовалась.

Она, казалось, не замечала встревоженного вида дяди в Москве, когда тот шёпотом что-то говорил капитану. Она была ровна и спокойна и в Петербурге, где их встретили двое незнакомых людей и очень торопили на пароход. Поражённая великим городом, она с сожалением сказала:

— Проехать мимо всех этих красот, не заглянув даже ни в один дом! Какая жалость, капитан Т.!

— Не зная хорошо языка народа, посмотреть бегло на его дома и галереи — это тоже жалость, Наль. Будет время, и вы ещё увидите много народов и всех красот, ими созданных, познакомьтесь с их жизнью и сможете, если захотите, вплести свой труд и красоту в их жизнь. Не спешите узнать всё сразу. Сейчас помните только, что вы — знатная дама, моя жена. Жизнь на пароходе, с его табльдотом, вам будет труднее поезда.

Наши пассажиры вошли на пароход со вторым гудком. И только когда пароход отчалил, Наль заметила, как разошлись суровые морщины на лице капитана и как легко вздохнул её дядя.

— Если бы здесь был дядя Али, — прошептала Наль капитану, — он рассказывал бы мне обо всём и видел бы во мне усердного слугу-помощника своим заботам. А ему я только племянница, а не жена.

— Упрёк ваш мне тяжёл, Наль. Особенно тяжёл потому, что и я, как Али, вижу в вас друга и помощника. Но пока мы не встретимся с Флорентийцем и не будем обвенчаны, я ничего не могу вам сказать. Даже того, куда и зачем мы едем.

— Если вы не говорите мне ничего только потому, что вы связаны словом, данным дяде Али, — я совершенно спокойна. Я думала, что вы уже не любите свою маленькую жену, которая ничего не знает, даже не понимает, как ей вести себя на пароходе.

— Простите, граф, что я прерываю вашу беседу с женой, — подошёл к капитану Т. капитан парохода, обращаясь к нему на английском языке и считая в порядке вещей, чтобы русский граф знал его язык. — Ваши места оказались врозь с вашей очаровательной женой, — кидая восхищённый взгляд на Наль и кланяясь ей, продолжал капитан парохода. — Но так как вы едете от места и до места, я могу предоставить вам самую лучшую каюту, в которую не явились пассажиры. Если вам угодно, я велю отыскать вашего секретаря и укажу ему каюту.

— Я чрезвычайно тронут вашей любезностью. Если вас не затруднит устроить нас вместе, а моё место передать моему секретарю, мы будем вам очень благодарны.

— Помилуйте, я сам предложил вам. Я буду очень счастлив служить вашей супруге и вам чем только могу в тече-